

An aerial photograph of a peaceful lakeside village at sunset. The sun is low on the horizon, casting a warm orange glow across the sky and reflecting on the water. The landscape is covered in dense forests with trees showing autumn colors of yellow, orange, and green. Several small wooden houses with dark roofs and glowing windows are scattered along the shoreline. A winding path leads through the trees towards the water. The overall atmosphere is serene and idyllic.

Глеб Чернов

Планета Благодать

Глеб Чернов

Планета Благодать

«Автор»

2026

Чернов Г.

Планета Благодать / Г. Чернов — «Автор», 2026

На планете Благодать невозможно дышать в одиночку. Пятьдесят лет назад выжившие после крушения космического лайнера основали здесь колонию. Местная атмосфера смертельна для человека — если рядом нет того, кто любит его по-настоящему. На Благодати чувства невозможно спрятать, любовь нельзя сыграть, а семейная ссора может оказаться вопросом жизни и смерти.

Но можно ли считать свободой жизнь, где чужие чувства определяют твоё право дышать? «Планета Благодать» — философская фантастика о любви, зависимости, семье и выборе между безопасностью и свободой.

© Чернов Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
«Удивительная история Благодати» (эксклюзивный репортаж)	6
«Вестник Земного содружества» от 11 марта 2546 года	
Часть первая. Майкл	7
Глава первая. И снизошла благодать	7
Глава вторая. Рябь на воде	8
Глава третья. Лиззи	9
Глава четвертая. Рождество	11
Глава пятая. Воздух	13
Часть вторая. Аманда	14
Глава шестая. Когда начинается прилив	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глеб Чернов

Планета Благодать

Глава

Планета Благодать
(роман в пяти частях)

Пролог

«Удивительная история Благодати» (эксклюзивный репортаж) «Вестник Земного содружества» от 11 марта 2546 года

Уважаемые зрители, сегодня мы расскажем вам потрясающую историю колонии, которую сами колонисты называют Благодать. А насколько это название обосновано, мы предоставляем судить вам.

Всё началось с того, что экспедиция дальней разведки на звездолете «Антарес» открыла и описала очень необычную планету в системе звезды G2V - 7749/NH-4. Несмотря на потрясающее сходство с Землей, планета была признана непригодной для жизни. Оказалось, что местные горные породы под влиянием спектра локальной звезды, испаряют вещества, блокирующие дыхание на клеточном уровне. Однако кое-какая фауна в отчете исследовательской экспедиции всё же была зафиксирована. Аборигенные организмы приспособились к жизни в местных условиях, образуя между собой устойчивые феромонные связи, которые разблокируют дыхание. Выражаясь поэтически, на планете Любовь (так ее называли ученые—первооткрыватели) дышать можно только если тебя кто-нибудь по-настоящему любит. Без любви же ты просто задыхаешься и умираешь. Романтично, не правда ли?

Вся эта история так и оставалась бы красивой сказкой о чудесах, встречающихся в космосе, если бы в 2497 году вблизи этой планеты не потерпел крушение круизный лайнер «Орион». Все мы помним эту ужасную трагедию. Поскольку обитаемых планет в квадранте крушения не было, а спасательная операция потерпела неудачу, экипаж и пассажиры «Ориона» были признаны погибшими. Однако теперь, спустя почти полвека, оказалось, что часть спасательных капсул была захвачена гравитацией Любви (не правда ли, звучит феерично!) и достигла поверхности планеты. Большая часть спасшихся тут же задохнулась, но небольшая группа во главе судовым капелланом падре Симоном Перейра каким-то непостижимым образом сумели спастись и образовать пасторальную общину, объединённую вокруг идеи всеобщей и безусловной любви. И вот уже почти 50 лет эти люди существуют на планете называемой ими же Благодать в условиях, когда жить без любви физически невозможно. Мы направили на Благодать нашего корреспондента, известную правозащитницу, активистку и блестящую журналистку Лиану Лерой, чтобы она воочию показала нам всем как выглядит настоящая утопия.

Часть первая. Майкл

Глава первая. И снизошла благодать

Вчера мисс Грета дала нам задание написать эссе на тему «Кого я люблю». Все тут же принялись сопеть, чесать в затылке или задумчиво смотреть в потолок. Родители, сидящие на задних рядах, начали перешептываться, заговорщически улыбаться мисс Грете и обмениваться многозначительными взглядами. Я же не сомневался ни секунды, решительно открыл тетрадь и начал писать сразу набело. О чем тут думать? Падре Симон говорит, что настоящая любовь только одна и что она дается человеку Богом, чтобы испытать его сердце. Поэтому мы сами не выбираем, кого любить. А еще он говорит, что нельзя не знать, в чем заключается твой божий дар.

Я начал писать, то и дело оглядываясь на маму, чтобы она догадалась, что я пишу о ней. Конечно, о ней, о ком же еще? Она ведь дышит со мной. Но я люблю ее совсем не за это. Вот если бы мисс Грета дала задание написать эссе «Почему я люблю того, кого люблю», я бы тоже вместе со всеми чесал затылок и смотрел в потолок. Это плохой вопрос. На него нельзя отвечать быстро. Тогда придется рассказать о себе почти всё. Все тайны. А я этого не хочу.

Вот, например, я ни за что не расскажу никому, как мы сбежали из дома с Саймоном гулять на озеро и увидели там, как Фелиция и Роза плавают. Потому что у каждого человека должно быть что-то, что знает только он. Я, к примеру, не рассказал Саймону, что, когда девочки вышли на берег, я, в отличие от него, не зажмурился, а продолжал смотреть. И теперь это только мое.

Мама тоже только моя. Я могу это доказать. Она любит меня по-настоящему, и это факт. Поэтому, когда она рядом, воздух такой сладкий и легкий, что мне хочется прыгать и бегать кругами по двору, когда она дома, а всё потому, что она дышит со мной.

Папу я тоже люблю, хоть мы и не дышим вместе. С папой дышит бабушка Эльза, но я совсем не ревную. В конце концов, должен же кто-то с ним дышать! А я ведь не могу этого. С папой всегда интересно, он постоянно придумывает какие-то забавные штуки. Но иногда мне кажется, это никакая не любовь, потому что, когда мне грустно или что-то болит, я всегда хочу именно к маме. Видимо, падре Симон всё-таки прав, и настоящая любовь может быть только одна. Это грустно. Не хочу об этом думать.

А мисс Грете я написал не только про маму, но и про папу тоже. И про бабушку Эльзу, и даже немного про Фелицию, совсем капельку, чтобы мисс Грета не догадалась обо всем. Она тогда расскажет взрослым, а этого мне Фелиция не простит ни за что. Не хочу испортить себе и ей рождественские каникулы. Мы, как обычно, поедem в горы, в охотничий домик дяди Марио, отца Фелиции. Там хорошо, можно гулять по лесу, разговаривать и даже держаться за руки так, чтобы мама и дядя Марио не видели этого. Они всегда рядом, потому что мама дышит со мной, а дядя Марио — с Фелицией. Я бы тоже хотел дышать с Фелицией, тогда бы мы никогда не расставались. Это было бы здорово. Рождество с Фелицией — лучшее время года. Скорей бы оно настало. Когда я думаю об этом, у меня пересыхает в горле и сосёт под ложечкой. Но об этом уж точно никому не надо знать.

Глава вторая. Рябь на воде

Как-то раз с самого утра мама, папа и бабушка Эльза о чем-то шептались в гостиной. Мне было строго-настрого велено оставаться в детской и не спускаться на первый этаж. Было ужасно интересно что это у них за секреты такие — от меня? Странно, раньше у нас в семье не было друг от друга секретов. У меня, конечно, есть кое-какие тайны, но это не от папы или бабушки Эльзы и уж конечно не от мамы. Мои тайны от всех, а это совсем другое дело.

Мне до колик хотелось узнать, о чём они говорят, но, как я ни прислушивался, разобрать ни слова не удавалось. Я уже хотел расстроиться, но вдруг бабушка Эльза сказала очень громко, ужасно строгим голосом:

— Раньше надо было думать об этом!

Сразу вслед за этим раздался папин голос:

— Мама!

— Ты предал однажды и предашь снова, и всё из-за этой девки! — выкрикнула бабушка Эльза. — И не смей называть меня матерью. Ты потерял это право двенадцать лет назад!

Потом она очень быстро вышла на улицу.

За завтраком бабушка Эльза сидела с каменным лицом и ничего не ела. Мама шмыгала носом и вытирала глаза платком, а папа был мрачнее тучи. Когда все встали из-за стола и разошлись по своим комнатам, я подошёл к маме и спросил:

— Мам, что-то случилось?

Она погладила меня по голове, улыбнулась, тихонько вздохнула и сказала:

— Ничего страшного, малыш. Просто у тебя будет сестрёнка.

Я страшно обрадовался, хотя больше хотел бы брата.

— Но это же здорово, мам! — воскликнул я, схватив её за руку.

Она кивнула и почему-то прижала ладонь ко рту.

С того дня я начал замечать, что мама и папа ведут себя немного странно. Мама с папой часто молча переглядывались, особенно в присутствии бабушки Эльзы. Пару раз я заставал их на кухне за каким-то секретным разговором. Оба раза папа ходил туда-сюда, заложив руки за спину, а мама стояла у окна, глядя во двор. Стоило мне зайти, они тут же умолкали и страшно смущались, совсем как тогда, когда я застал их обнимающимися в кладовой. Я решил, что лучше всего будет схватить первое попавшееся лакомство, печенье или конфету, и тут же убежать, чтоб не смущать их еще больше.

А на днях я вбежал в мамину комнату и застал там маму и бабушку Эльзу.

— Ну почему вы так уверены, что всё сложится именно так? — спросила мама.

— Потому что однажды это уже случилось, ты не представляешь, чего мне стоило тогда выпутаться из той ситуации, — ответила ей бабушка Эльза.

Тут они заметили меня и разом замолчали. Я понял, что они обсуждают какое-то давнее событие, о котором детям знать не положено. Видимо, что-то ужасное. Я тут же перестал интересоваться тем, о чем они говорили — не люблю думать о страшном, а лучший способ не думать о таких вещах — ничего не знать о них. Тогда я начал рассказывать маме о том, как Саймон полез через школьный забор, но зацепился штанами и повис. И как потом его оттуда снимали мисс Грета и дворник Питер. И про то, что Саймона теперь дразнят Желудем. Кажется, им понравилось, потому что они принялись расспрашивать меня о подробностях того происшествия и смеяться. Особенно веселилась бабушка Эльза. А потом вдруг замолчала и ушла.

Глава третья. Лиззи

К концу года у мамы вырос огромный живот, хотя я не замечал, чтобы она ела больше обычного. Когда я спросил ее почему это случилось, она улыбнулась, погладила себя по животу и сказала, что там внутри прячется моя сестренка. Тогда я спросил от кого она прячется и когда осмелеет настолько, чтобы показаться нам. Мама рассмеялась немного натянуто и сказала

— Скоро, малыш. Уже очень скоро.

И отвернулась к окну. Я уже думал обидеться и сказать, что я не малыш уже, а почти старший брат, но потом решил не ссориться с мамой по пустякам. Вот появится малышка, и все увидят, что я уже большой.

Как-то утром за несколько дней до Рождества, за завтраком, бабушка Эльза пришла на кухню и сказала с улыбкой.

— Прошу внимания. Марио и Джульетта пригласили меня в гости на пару дней, и я хочу взять с собой Майкла.

Я едва не задохнулся от восторга. Там будет Фелиция! Целых два дня с Фелицией у нее дома! Родители тоже заулыбались. Мама сказала:

— Конечно поезжайте, нам тут есть чем заняться.

Тут папа наклонился к маме, она протянула руку и взъерошила его волосы растопыренной пятерней. Бабушка важно кивнула и велела мне собираться. Я вскочил со стула и помчался в свою комнату собирать вещи.

Следующие два дня были такими волшебными, что я и думать забыл о доме и о родителях. Мы стояли у окна, наблюдая, как снежинки кружатся в воздухе и ложатся на землю, сидели на диване под одним пледом, листая старые фотоальбомы, и часами обсуждали предстоящие каникулы. Всё это время я не мог думать ни о чем, кроме карих глаз Фелиции, ямочек на ее щеках, когда она улыбается, её длинных каштановых волос. Только пару раз я ощутил, что дышать так далеко от мамы трудновато. Раньше мама так далеко от себя меня не отпускала. Похоже, она поверила-таки, что я уже не маленький.

На третий день бабушка объявила, что нам пора возвращаться. Сначала я расстроился, но потом до меня дошло, что дома случилось что-то важное. Поэтому я не стал просить бабушку Эльзу побыть в гостях еще немножко. Мы приехали домой под вечер, нас встретил папа. Он стоял на крыльце, потирая руками виски, он всегда так делает, когда волнуется:

Когда мы вошли внутрь и разделись, папа поставил меня на стул перед собой и сказал:

— Майкл, ты теперь самый настоящий старший брат. У тебя есть сестренка Лиззи.

Я тут же соскочил со стула и побежал вверх в мамину комнату. Она лежала в постели бледная и осунувшаяся, с закрытыми глазами. Увидев меня, она слабо улыбнулась и протянула ко мне руки. Я подбежал и обнял маму, но не почувствовал обычного прилива сил. Я подумал, что это от усталости после долгого пути, да и мама была сонная.

— А где Лиззи? — спросил я.

— Вот наш маленький ангелок. — ответила мама, показав взглядом на стоявшую рядом колыбель.

Честно говоря, на ангела она походила мало. Сморщенное красное личико, крошечные скрюченные пальчики. Лиззи спала, смешно причмокивая во сне.

— Мам, а она станет хоть немного красивее? — спросил я маму. Она улыбнулась и погладила меня по голове.

— Обязательно, дай ей немного времени, у нас с ней был трудный день.

Я понял, что мне пора, сказал:

— Хорошо, мам, отдыхайте.

Повернулся и вышел из комнаты, стараясь не шуметь.

Папа был всё ещё в прихожей. Он сидел в кресле, обхватив голову руками. Я подошел к нему и спросил:

— У тебя голова болит, пап?

— Нет, сынок. Но я должен сообщить тебе неприятную новость. В этом году мы не поедем в горы. Мама еще слишком слаба, да и Лиззи пока рано возить в такую даль.

Мне захотелось вдруг закричать, но у меня перехватило дыхание, и я просто стоял, повесив голову. «Это всё из-за неё. Из-за Лиззи я не увижусь с Фелицией», подумал я, но почти сразу мне стало стыдно за эту мысль. Разве может старший брат, так думать о своей маленькой сестре? Нет, конечно. Я не стал ничего говорить папе. Так у меня появился еще один секрет от всех. Я молча кивнул и направился к себе в комнату.

Глава четвертая. Рождество

Следующие пару дней мы с папой украшали дом и елку. Маму я почти не видел. Она всё время была с Лиззи и даже к столу спускалась с ней на руках. Бабушка Эльза хлопотала по дому, готовила нам еду, убирала комнаты, мыла посуду, вытирала пыль. То есть делала всё, что обычно делает мама. Из всех предновогодних занятий мне понравилась только подготовка подарков, всё остальное я делал нехотя и через силу, ведь Рождество было уже испорчено. А вот подарки я паковал с удовольствием. Я выбрал подарок и для Фелиции тоже, упаковал его особенно старательно и отложил отдельно от всех.

На следующий день было Рождество. На обед мы все вместе ели индейку. Все, кроме Лиззи. Ей пока можно только мамино молоко. За столом было непривычно тихо. Мама была поглощена заботой о Лиззи, она не отводила от нее глаз и каждую минуту брала на руки. Бабушка Эльза, не отрываясь, смотрела на папу, будто ждала, что он наконец скажет или делает что-то, что обещал. А папа виновато отводил взгляд. Я хотел рассказать какую-нибудь интересную и веселую историю, но так и не придумал ничего.

Потом мы все отправились в церковь на мессу. Там я внимательно слушал падре Симона, но почти ничего не понял. В церкви было душно, сердце у меня колотилось, а ноги подкашивались.

Папа помог мне дойти до дома, но там мне лучше не стало. Пока бабушка разливала всем чай, а папа вытаскивал из-под елки подарки и раздавал их, я сидел за столом, держась из последних сил. Всё было как в тумане, комната плыла перед глазами, а голоса мамы, папы и бабушки доносились до меня как сквозь подушку. Мама подозвала меня жестом, я встал и подошел к ней. Она потрепала меня за щеку и спросила:

— Сынок, как ты себя чувствуешь?

Я для виду пару раз покашлял в кулак и ответил:

— Знаешь, мам, кажется я простыл, когда мы с папой ходили в кладовку за елочными игрушками. А теперь знобит немного, и голова болит.

Мама потрогала мой лоб и покачала головой, но тут Лиззи заворочалась и захныкала у нее на руках, и мама отвлеклась на сестренку. Я поспешил вернуться на свое место к недоеденному вишневому пирогу. В тот момент я был очень горд собой потому что повел себя, как взрослый и старший брат. Мне даже стало полегче на несколько минут. Когда все подарки были розданы, я снова встал и взял из-под своего стула большой серебристый сверток, перехваченный красной лентой, к которой была прикреплена золотая бирка с надписью: «Фелиция». Никто, кроме меня, не знал, что в нем. Я сам выбрал подарок для нее и сам его упаковал. И вручить его завтра, когда они всей семьей приедут в гости, я хотел тоже сам. А до того времени подарок нужно было спрятать у себя, чтобы никто случайно не вскрыл его. Я прижал сверток к груди и начал подниматься по лестнице на второй этаж. Но он оказался таким тяжелым, что я с трудом удерживал равновесие. Я шел вверх, но с каждой ступенькой подарок становился всё тяжелее, сердце колотилось так, будто готово было выскочить из груди. Наконец, мои глаза сами собой закрылись, ноги подкосились, и я полетел назад. В ту же секунду кто-то подхватил меня на руки. Я открыл глаза и увидел бабушку Эльзу.

— Дэвид! - закричала она, — Скорее, Дэвид! Ты должен!

— Я пытаюсь, мама, — раздался где-то рядом голос папы — Я правда пытаюсь.

Потом я будто поплыл по воздуху и минутой позже оказался в своей кровати. Надо мной склонились папа и бабушка Эльза, чуть позже пришла мама с Лиззи на руках. Я прижал покрепче к груди подарок Фелиции, улыбнулся и сказал:

— Просто немного простудился.

Тут мама разрыдалась, а бабушка Эльза посмотрела на папу так, что он прикусил нижнюю губу и отвернулся.

Глава пятая. Воздух

Я сделал что-то очень плохое. Что-то по-настоящему ужасное. Я знаю это точно потому, что мама больше не дышит со мной. Это означает, что она меня больше не любит. Что же я такого сделал? Может она узнала про озеро? Но от кого? Там никого не было, кроме меня и Саймона, но Саймон не мог ничего рассказать, я точно помню — он зажмурился, да еще и прикрыл глаза руками. А вдруг всё из-за того, что я подумал о Лиззи? Да, за это можно разлюбить. Может я тогда случайно прошептал это, а она услышала? Но тогда рядом был только папа. Он бы меня ни за что не выдал. Как же болит голова.

За эти два дня, что я болею, меня навестили почти все, кого я знаю, и даже несколько совсем незнакомых мне человек. Были все соседи с нашей улицы, приходила мисс Грета, мы болтали с ней о всяких пустяках, о каникулах, о том, что будет после них. Мне только показалось, что мисс Грета была не очень здорова потому, что, когда я заговорил о планах на следующую четверть, она достала носовой платок, прикрыла нос и начала сморкаться. Приходил даже падре Симон. Он долго сидел рядом, молча держал меня за руку, потом вздохнул, встал, покачал головой и вышел. Весь день я не мог глубоко вдохнуть, как будто что-то случилось с воздухом. Он стал тяжелым и липким. Я тоже стал липким и мокрым. Бабушка Эльза постоянно была возле меня, папа и мама с Лиззи приходили и уходили по сто раз в день. Они по очереди сидели возле моей кровати, внимательно разглядывая меня, потом бабушка выпроваживала их прочь. Я всё это время лежал, глядя в потолок, и пытался сделать глубокий вдох. У меня получилось только однажды, когда пришла Фелиция с родителями. Увидев ее, я сел на кровати, нащупал одной рукой сверток с подарком, протянул ей и сказал:

— С Рождеством тебя, Фелиция.

Она взяла у меня сверток, улыбнулась так, что на щеках снова появились мои любимые ямочки, и сказала:

— Спасибо, Майкл, и тебя тоже с Рождеством.

Тут все присутствующие заулыбались и начали переглядываться, а Фелиция, кажется, немного смутилась.

Я хотел встать, но у меня снова закружилась голова, и я упал на подушку. В это время дверь с грохотом открылась, и вбежал растрепанный папа. Все молча обернулись и посмотрели на него так, что он извинился и вышел.

После этого ничего интересного не было. Я лежал, бабушка сидела рядом. Я всё время думал о том, почему мама разлюбила меня.

— Бабушка, — наконец я решился спросить напрямую — ты не знаешь, почему мама больше меня не любит?

— Ну что ты, она любит тебя, мы все тебя любим. — бабушка Эльза наклонилась надо мной и начала гладить меня по щекам.

— А почему же я не могу дышать? — спросил я и закашлялся.

Тут бабушка Эльза закрыла лицо руками, отвернулась и заплакала. Я в первый раз в жизни видел, как она плачет.

Всю ночь я не спал, а утром мама пришла навестить меня. Одна. Без Лиззи. Я узнал ее по запаху. Открыть глаза не получилось, во рту пересохло, язык прилип к нёбу.

— Мам, я хотел еще немно...

Часть вторая. Аманда

Глава шестая. Когда начинается прилив

Эльза была права. Она знала своего старшего сына лучше, чем я своего мужа. Я должна была предвидеть, что он останется со мной, а не перейдет дышать с Майклом. Но я так привыкла во всем доверять мужу, что до последнего надеялась на лучшее. Теперь, когда Майкла больше нет, любовь Дэвида, которой я так гордилась, стала проклятием нашей семьи.

Он начал дышать со мной ещё до свадьбы, почти сразу после знакомства. Ему даже не пришлось объясняться в любви. К тому времени, когда он решился сказать мне это вслух, я уже всё знала. Нужно быть совсем уж глупой или наивной, чтобы не догадаться о чувствах мужчины, который начал дышать с тобой, оставив без дыхания собственную мать. До сих пор не представляю, что тогда пережила Эльза. Неудивительно, что она до сих пор не может простить Дэвида, с которым дышала с младенчества. Он бросил ее дыхание ради моего, и она не перестала называть меня «эта девка» даже после того, как мы обвенчались. То, что люди не могут сознательно выбирать, с кем им дышать, в ее глазах никак не оправдывает Дэвида.

Она наверняка не дожидаясь до нашей свадьбы, если бы не младший брат Дэвида Ричард. Рик тогда всех нас выручил, бросил университет и вернулся к матери.

Я тогда была очень счастлива, ведь у меня было неопровержимое доказательство искренности и преданности любимого мужчины. Когда он пришел на очередное свидание с кольцом, я не сомневалась ни секунды. Подруги мне завидовали, мама и сестры говорили: «Уж с чем с чем, а с замужеством ты не прогадала. Будешь за ним как за каменной стеной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.